

РАТ 1313089

ОЛЫГА ФОКИНА

Виктору
Васильеву

с музыкой
фрагментами

Ю. Ю. Ю.

4/5 - 137.

ОЛЬГА ФОКИНА

Сыр-
бор

Л И Р И К А

РАБ 1313089

Издательство
ЦК ВЛКСМ
"Молодая гвардия"
1963

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. Н. В. Бабушкина

Под редакцией
Н. Н. СИДОРЕНКО

НАПУТСТВИЕ

Книга Ольги Фокиной «Сыр-бор» — это весенний цвет. Должно ждать творческого лета, доброплодного, ягодного.

В книге «Сыр-бор» видится нам благодарное для поэта свойство — любовь к природе.

Любовь к матери земле — свойство для всякого художника изначальное, добродетельное. Здесь дыхание чистое, здоровье душевное, зрение светлое.

Ольга Фокина одарена чувством природы. Мать земля и ее красоты — это богатство неистощимое.

Вспоминается северная сказка.

Парень и девица стоят на берегу. Он говорит:

— Хочу посвататься. У тебя есть ли какое имя?

Она показывает рукой:

— Мои вон те сизые елочки.

Мои вот эти белые березки.

Парень говорит:

— Елки да березки боговы.

— Нет, мои, мои!

Вдоль реки летят лебеди, за ними утки.
Девушка говорит:

— Мои эти белые лебеди!

Мои эти серые уточки!

Парень рассмеялся:

— Уточки да лебеди боговы.

— Нет, мои, мои!

Ольга Фокина — уроженка Севера. С детства поняла она нежную и тонкую красоту северной природы.

Тебя ничем не надо украшать,
Тебе моя несказанная нежность...

Реки Севера — песенные реки. Ольга Фокина расслушала песни родимой своей тихославной Двины. Стремится переложить свои чувства в стихи.

Прозрачны, свежи многие поэтические образы:

А на темном фоне строгих елей
Светлое девичество берез.

Подоспел июль. По темной зелени
Закачались белые кораблики.

Живым слогом преподнесена «речкина речь»
(Речка Содонга):

Двое над обрывом стоят:
Темная, осанистая елка,
Подальше от края — елка-мать,
Держит за подол свою девчонку,
Пушистую,

Ершистую,
Ту, что к самому краю
Подбежала, играя,
И притихла на краю,
Свесив ноженьку свою...

Ласково, как детская беседа, дана «Весенняя сказка». Небесными оконцами звездочки глядят на землю. Одна, бойкая, сорвалась и полетела вниз. Подруги негодуют: «Не суйся!» Но бойкая угодила в песенный туюсок.

Образы природы поэтически связаны с образом человека. Здесь горестные разочарования, которые жалят девичье сердце, как стрелы. Но вдруг из того же преогорченного сердца начинает бить источник радости.

Нежность чувствуется в строках, посвященных близким, родным. Отец пал на ратном поле. Но посаженная им благоуханная черемуха осеняет теперь родимую избу. Дочь помнит отцово внимание:

Перекусив ржаного хлеба с солью,
Полено брал, да нож, да долото.
В траву катились стружки-завитушки,
Как волосы дочуркины, белы,
И начинали новые игрушки
В избе сосновой обживать углы...

Материнская тревога, беспокойство за судьбу дочери, оставляющей родную деревню, тождественны настроениям матери Есенина: «Мне страх не нравится, что ты поэт».

Поэтическая речь должна совершенствоваться неустанно, неутомленно. Музыканты со школьной скамьи должны изучать гармонию

и технику музыкального творчества. Гармония произведений Моцарта почитается легкой и простой. Не потому ли музыка Моцарта светла, как утро, чиста, как кристалл?

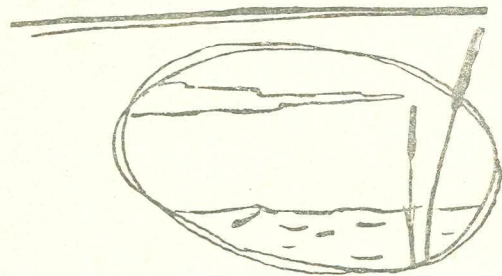
Прозрачно-прост должен быть стихотворный язык. Простота достигается долгим трудом. Как обрабатывается лен? Мочат, и сушат, и мнут, и бьют. Выбирают кострику и расчесывают деревянным гребнем. Тогда пасмы льна станут нежны, чисты и крепки, как шелк.

Ольга Фокина — поэт-лирик. А сила и удобье лирической поэзии таковы: доверчивое слово поэта, радостное и печальное, люди будут применять к себе: «Это он мой ум рассказал».

Чем искреннее и доверчивее высказывает поэт мысли сердца своего, тем желаннее и ближе примут эту исповедь сердца сторонние люди.

Б. ШЕРГИН

СЕВЕРНАЯ ДВИНА

СЕВЕРНАЯ ДВИНА

В неизменной фуфайке сосновых лесов,
Холодна, а порой диковата,
Ты не рядишься в крылышки парусов,
Лишь плоты на тебе как заплаты.

И хотя день и ночь сарафан голубой
Катерами прилежно утюжишь,
Все равно недосуг любоваться собой —
Приближаются долгие стужи.

А когда по ночам на твоих берегах
Запоют о красавице Волге,
Соберешь ты и спрячешь поспешно в рукав
Частых звезд голубые осколки.

И раскинешь туманы, от взглядов таясь, —
Видно, песни тебя всколыхнули, —
И росой обильной наплачешься всласть
За короткую ночьку июля.

А с рассветом опять пароходам гудеть,
Росы вспыхнут — и высохнут вскоре,
Только мелкая дрожь пробежит по воде
От истоков до Белого моря.

О разливах, о плесах твоих золотых
Мало песен поется в народе.
То ли люди не видят такой красоты,
То ли слов, чтобы спеть, не находят.

РЕЧКА СОДОНГА

Глинистая,
Обрывистая,
Пахучая,
Сыпучая
Над речонкой круча,
И по-над кручей
Травы колючие,
А внизу у нее —
Над каждой каплей
Дрожат
Осоки-резуньи —
Обнаженные сабли.
А и беречь-то что?
Велика ли царица —
Перекинешь рукавицей!
Вода сера,
Как небо над ней,
Разве что быстра,
Да похолодней,
Да почище чуть,
Да жива, как ртуть,

Да журчать мастерица,
Да вкусна — не напиться!..
А кому смотреть?
Кому пить?
Кому слушать-то?!
...Двое над обрывом стоят:
Темная, осанистая елка,
Подальше от края — елка-мать,
Держит за подол свою девчонку,
Пушистую,
Ершистую,
Ту, что к самому краю
Подбежала, играя,
И притихла на краю,
Свесив ноженьку свою...
И нет для обеих ничего лучше,
Чем глинистая,
Обрывистая,
Пахучая,
Сыпучая
Над речонкой круча,
Где по-над кручей
Травы колючие,
А внизу у нее —
Над каждой каплей
Дрожат
Осоки-резуньи —
Обнаженные сабли.

* * *

В последний августовский день
Я покидала край родимый:
К снопам склонившихся людей
И тот напев неповторимый,
Который в детстве пела мать, —
Напев задумчиво-печальный,
В котором слов не разобрать
За ровным стрекотом комбайна.

Он умолял: «Останься с нами,
Не покидай родных полей,
Ведь и за дальними морями
Ты не найдешь земли милей.
Зачем тебе чужие реки?
Поверь, не чище их струя,
А если Дон теплей Онеги,
Так степь — стихия не твоя.
Ты загрустишь о диких тропах,
В тайге проложенных тобой,

О синих северных сугробах,
О струйке дыма голубой
Над покосившеюся крышей,
О старой матери...
Вернись!
И, чемодан убрав повыше,
К жнивью пониже наклонись...»

* * *

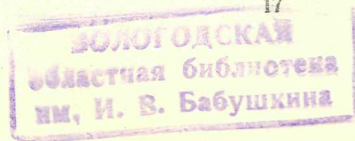
Под ветром — полей колыханье...
Меня не ищи — не найдешь:
Мне шепчет свое «до свиданья»
Еще недозревшая рожь.
Мой брат ее осенью сеял.
Сестра боронила весной,
И мамин платок покраснеет
Над спелой ее желтизной.
Усталая, сядет у лога
И вспомнит опять про меня:
Растила себе на подмогу,
Жалея, любя, не браня.
И видела: с матерью в пару
Над рожью склоняется дочь.
А вышло, что думала даром
И некому старой помочь...
Родная! Себе в оправданье
Найду ли какие слова?
...Под ветром — полей колыханье,
Колосьев глухая молва.

МАТЕРИ

Прости! Я у твоей постели
Сию всю ночь,
Как в прошлом ты — у колыбели,
Качая дочь.
Прикосновенья рук усталых,
Их нет нежней!
Я помню, как ты напевала
О счастье мне,
О том, что буду я богато,
Спокойно жить,
Что не придется мне заплаты
На платье шить.
И жениха ты мне сулила
С такой спиной,
Чтоб жить за нею можно было,
Как за стеной.
А мне, разубранной и сытой,
Растить детей,
В своем дому, надежно крытом,
Встречать гостей...

Прости! Я выросла иная,
Чем те мечты,
Из-за того сегодня, знаю,
И плачешь ты.
Я полюбила не затворы,
Не прочность стен,
А вольной Родины просторы,
И если плен,
То плен один, то плен желанья
Великих дел,
И не страшат меня страданья —
Борцов удел.
Я не найду себе покоя
В дому своем,
Я знаю счастье, но другое,
Оно в другом:
То счастье — быть душой богатой
Для всех людей,
То счастье — быть всегда крылатой
В полете дней.
Зачем же слезы замутили
Твои глаза?
Моих еще не сильных крыльев
Не подрезай!
Ты позабуди свою тревогу,
Тоску забудь,
И пожелай мне на дорогу:
«Счастливым путь!»

1313089

Я вчера, уезжая учиться в Москву,
Шла по влажным лугам, по двинскому
песку.

И скрипел: «Подожди, подожди,
подожди...»,
И какая-то боль поднималась в груди.

По лугам надо мной все жужжала пчела —
Жалить сердце мое не она ль начала?

18

Но, за весла садясь, я махнула без слов,
И навстречу лучам заплескалось весло.

ПЕРВАЯ НОЧЕВКА В МОСКВЕ

Как чужие, ветви длинные
Бродят, шарят по стене...
Вам не спится, тополиные?
Из-за вас не спится мне.

На душе, как будто в омуте,
Тихо, страшно и темно.
Я одна в огромной комнате...
Тополь, слушай, лезь в окно!

Не дрожи. Холодным листиком
Лоб горячий освежи.
Надоела мне лингвистика,
Ты мне сказку расскажи.

Ну, чего тебе тревожиться
И кого тебе искать?
Это мне, с речонки Вожжицы,
Первый раз в столице спать.

А ведь ты и шин шуршание,
И сплошной столичный гул
Любишь, как люблю я ржание
Наших ко́ней на лугу.

Да и я привыкну вскорости
К электрическим огням.
Слышишь, тополь? Больше бодрости!
Перестань будить меня.

Но, закрыв окно тяжелое,
Снова из-под одеял
Слышу вздохи невеселые:
Тополь что-то умолчал.

Как чужие, ветви длинные
Бродят, шарят по стене...
Вам не спится, тополиные?
Из-за вас не спится мне.

МАТЬ

«Паук спустился с лампы — к новостям...
Сорока возле дома суежилась,
Из печки уголь выскочил — к гостям...
Да и во сне так ясно дочка снилась...»
В шубейке старой, в валенках больших
Пять километров шла до телефона,
Надежду берегла на дне души:
Не позвонит ли дочка из района?
А вдруг и скажет: «Здравствуй! Как дела?
Встречать не надо: еду на почтовой...»
А мать чуть свет ей сани припасла,
У предколхоза выпросив Гнедого.
Наклала б сена — выше перелка,
Взяла б накидку теплую на плечи,
И погнала б стоялого Гнедка
Почтовой смирной Ласточке навстречу.
Но телефон опять не позвонил.
Понуро прочь пошла от сельсовета.
«Ну ладно! Подлиннее стали дни.
Приедет летом. Долго ли до лета!»

* * *

Когда из квартиры московской, уютной
и светлой,
Спешу в институт я, веселый мотив
напевая,
Навстречу встает хорошо отдохнувшее
солнце
И блещет Москва миллионами праздничных
окон.
Шагать бы в такие часы по широким
проспектам,
Веселый мотив каблуками выстукивать
гулко,
Чтоб люди слышали эту красивую песню
И сами, быть может, тихонько ее
поддержали.
Но я торопливо сажусь в подошедший
троллейбус,
Сажусь в уголок и внимательно книгу
читаю.

Мой город! Ты весел сейчас и без песни
веселой,

Ты в эти минуты и сам настоящая песня.
И я не забуду мелодии этой прекрасной,
И если за тучами солнце на миг

потускнеет,
Мой город, тогда я тебе повторю эту
песню,

И песня моя на мгновение солнце заменит
Для всех площадей, тупиков и глухих
переулков.

* * *

Да, мечты, словно крылья стрекоз,
И легки и прозрачны. Что ж проку?
...Над лугами звенит сенокос,
Тихой песней звенит по дорогам.
Над лугами густой аромат
Веселит и пьянит, как отрава,
Даже ветер прилег подремать,
Чуть примяв эти буйные травы.
Брат мой! Спину скорей разогни,
Брось горячую косу-горбушу!
Сколько красок в природе, взгляни!
Сколько песен повсюду, послушай!
Снисходительно-ласковый взгляд
По цветам проскользнул утомленно:
— Эх, сестренка! Ладони болят!
Но уж сено!.. Убрать бы зеленым! —
И, в ладонь поплевав, поскорей
Он пошел догонять косарей.

* * *

Снова утро. А ночи как будто и не было:
До чего же светло!
Остывают и гаснут, подернуты пеплом,
Угольки под котлом,
Чуть дымится в котле недоеденный с вечера
ужин,

Спят еще косари,
Но трепещут уже две осинки, разбужены
Алым светом зари.
Поднялась из-за леса румяного солнца
краюшка.

Не иди бы в шалаш,
А спуститься к реке, окуньков бы наудить
на ушку

И потом косарей разбудить,
Озорно прокричав им: «Шабаш!»
Только знаю: заметит бригада глаза мои
сонные

И устроит мне суд,

И уйдут косари, трав цветущих владельцы
закопные,

А меня не возьмут.
А уж сколько годов на покосы душа моя
просится!

Чу! Под речкину речь
Что-то храп бригадира все реже и реже
доносится.

Надо лечь...

✓

* * *

Четыре дня до сентября...
Мою тревогу понимая,
Луна, полнеба серебра,
Стоит печальная, немая.

В леса, которых краше нет,
В леса, уснувшие невинно,
Роняет звезды в тишине
Небес другая половина.

Еще не пели петухи —
Ночные вестники рассвета...
Спи, мой бесценный малахит,
Резцом покуда не задетый.

Мне снова — в дальние края.
Свиданья час, как он короток!
Спи, чудо-родина моя,
Открытый мною самородок.

* * *

Со мною лишь природы откровенье,
И тишина, и леса дикий вид.
Перемывая корни и каменья,
У ног ручей таинственно журчит.
Над головою папоротник пышный
Задумчиво узорные листы
Раскинул легкой и подвижной крышей.
Семья волнушек в зарослях густых
К воде спустилась. Рыжиков упрямых
Меж пней еловых войско собралось, —
Крепки, красны, сказать хотят: не зря мы
Растем всегда все вместе, а не врозь.
Немой упрек... Его не слышать мне ли?
Ведь я одна, и за моей спиной
Уже заперешептывались ели
И вскинулся осинник расписной.
Но не спеши, осинник, растрезвонить,
Не торопитесь, ели, колдовать, —
Я не грущу, я счастлива сегодня,
Но вам такого счастья не понять.

* * *

Последние сентябрьские деньки!
Впервые после солнечного лета
Мне так легко, как облака легки,
И полон мир голубизны и света.

Сегодня первый заморозок был,
Трава, к земле прижавшись, побелела...
Ты на бору последние грибы,
Родная мама, подобрать успела ль?

А я тебе уже не помогу
Из леса в дом переносить бруснику,
И лен не буду стлать на берегу,
Не буду выгонять коней на вику...

* * *

Свежими осенними утрами
Рай в лесу, исчезли комары.
Пахнут руки только свинурами,
И в корзине — только свинуры*.

Не нужны ни ванны, ни души.
Мне зарядкой — быстрая ходьба,
Душем мне — роса в глаза и уши.
Солнечный восход — моя судьба.

* Свинуры — сорт грибов.

* * *

Листья не хотели умирать,
Ободряли шепотом друг друга:
«Сиверко бы только переждать,
А ужо подует ветер с юга...»

Солнце, заблудившись в облаках,
По неделе там запропадало.
«Ничего, беда невелика,
Ведь и раньше тоже так бывало...»

Уступила зелень желтизне,
Заалел чахоточный румянец.
«Вот примчится буря, вместе с ней
Мы еще станцуем майский танец...»

И не знали листья, что пока
Не сдавались непогоде ранней,
Отлагалась где-то в черенках
Горечь неисполненных желаний.

Накопился горечи комок
В черенке у каждого листочка,
И, когда пришла гроза — не в срок, —
Тяжело сказала та просрочка.

Зря металась молния, и зря
Обнимал деревья ветер смелый:
Той последней ночью октября
Плакал он над рощей омертвелой.

Погоды, весна,
Распускать ручьи,
К кладовым зимы
Подбирать ключи.
Еще ночь темна,
Еще мал денек,
Еще молод март
И апрель далек.
Еще прячется
В тишине берез
В ночи черные
Удалой мороз.
Чуть проснулась ты —
Посветлела даль.
Он дарил тебе
Серебро-хрусталь.
Обещал мороз
Дать небесных звезд,
Заманил, зазвал
В тишину берез.
Как взялась тебя
Пеленать метель!
Не поможет март,
Не спасет апрель.

И ты, покинув темное дупло,
Летишь на первый желтенький цветочек.
И у меня в душе теплым-тепло,
Хотя еще на улице — не очень.

* * *

О, как я жизнь люблю!
Мне утро рассказало
Губами облаков и голосами птиц,
Что радость так близка,
и счастья так немало,
И столько для пера нетронутых
страниц!

* * *

Он не уехал из колхоза
Один, в свои пятнадцать лет,
На уговоры и угрозы
Сказал решительное «Нет!».

И, что случалось очень редко,
Быть может в жизни в первый раз,
К нему пришла сама директор,
Не так, как приходила в класс.

Не той решительной походкой,
Не с тою властью в лице,
И, кажется, с другою ноткой
Сказала «Здравствуй!» на крыльце...

Он скинул грязную фуфайку,
Провел рукой по волосам...
Здесь не она была хозяйкой,
Здесь был хозяином он сам.

И все ж, по-школьному робея,
Он оглянулся — где же мать?
«Ведь я же вовсе не умею
Такую гостью принимать».

Но гостя выручила: смело
Прошла к столу, кивнув: «Садись».
«Володя, я к тебе по делу.
Ты молод, ты не знаешь жизнь».

Я не хочу с тобой лукавить,
И говорю я напрямик:
Ты оставаться здесь не вправе,
Ты — самый лучший ученик.

Да, мы твердили вам: не трусьте,
Почетно, мол, возить навоз.
Но, понимаешь, в захолустье,
В такой дыре, как наш колхоз,

Ты надорвешь свои силенки
И не изменишь ничего,
А жизнь пройдет, пройдет стороной.
Мне жалко счастья твоего».

Парнишка встал. «Я это слышал.
Я это слышу не впервой.
У нас давно худая крыша,
И дом давным-давно гнилой».

Чего жалеть? Чего держаться?
К чему тут сердцем прикипать?
Уйду — с коровой обряжаться
Поутру перестанет мать.

Уйду — и мне же на ботинки
Продав последнюю овцу,
Мать раздарит пустые кринки
И заторопится к отцу.

Героем быть, парить над миром,
Я сам не против, наконец,
Хотя обычным бригадиром
Всю жизнь свою был мой отец.

Я мог бы стать и капитаном,
Хоть был крестьянином мой дед.
Я много думал, Марь Иванна,
И понимаю ваш совет.

И вам спасибо за заботу.
Я остаюсь не для рубля.
Ведь я люблю мою работу,
Мой лес, луга, мои поля.

И мне над миром не подняться,
Не оторваться от земли,
Пока со мной не окрылятся
Края, что к сердцу приросли».

* * *

Мой отец... Он давно не с нами.
Но когда поют петухи,
Под босыми его ногами
Тихо-тихо вздыхают мхи.

И, бледнея, смолкают березы,
И осины дрожмя дрожат,
И брусничник роняет росы,
Невесомой ногой прижат.

Но не бойтесь его, куропатки,
Не взлетайте, тетерева, —
Не в охотничьей лихорадке
Он приходит к вам зоревать.

Он встает из своей могилы
Не затем, чтобы убивать:
У него для природы милой
Лишь одно было имя — мать.

И его ли вина, что рано
Отшумели ему леса,
Что война растравила раны
И закрыла навек глаза

Не успевшему надышаться,
Не успевшему досмотреть,
Не уставшему восхищаться,
Не охрипшему песни петь.

Но пахнуло, опять пахнуло
Новым порохом новых битв —
И, без страха глядевший в дуло,
Он тревожится, он не спит.

* * *

Непривычно вроде, непонятно,
Но опять же как тут не понять,
Что путевку выдали бесплатно
И что сын поедет отдыхать.
В санаторий... как не поделиться?
Прямо к морю... как не рассказать?
Нагловатый Пашенька Куница
Подмигнул соседу. «Мать, а мать!
Ведь и ты не против бы, пожалуй,
В Сочи, а?»

— «Молчал бы, зубоскал!»

...Никогда она не отдыхала,
Жизнь была скупа на отпуска.
Вспоминать ли ржи тяжелой тонны,
Вспоминать ли знойные сена?
Пятерых детишек несмышленных
На ноги поставила одна.
Никогда она не отдыхала,
А иначе — разве бы сбылось:

Едет сын к далеким синим скалам,
Как желанный, долгожданный гость.
Оттого и нынче молодежи
Мать явилась на колхозный ток.
И неловко кашлянул Куница,
Отнимая у нее мешок.

ЧЕРЕМУХА

Черемуха за старым огородом —
Единственная память об отце.
Он был тогда безусым, безбородым,
С улыбкой на обветренном лице.
Колхозный бригадир.

Вернувшись с поля,
Шагал на речку мыться, а потом,
Перекусив ржаного хлеба с солью,
Полено брал, да нож, да долото.
В траву катились стружки-завитушки,
Как волосы дочуркины, белы,
И начинали новые игрушки
В избе сосновой обживать углы:
И пахарь с плугом, и косарь с горбушей,
И кузнецы, и лодка в два весла,
И пильщик, никогда не устающий...
Но тех игрушек я не сберегла.

По веснам спать отцу мешали утки:
Хватал ружье, но приходил ни с чем.

Увидел раз: черемухе-малютке
Все корни обнажил шальной ручей.
На корточки присев перед бедняжкой,
Руками землю талую разрыл
И, осторожно в новую фуражку
Земли насыпав, кустик посадил.
Понес домой.

Болталось за плечами
С травинками на мушке, дулом вниз
Ружье.

В полях, усеянных грачами,
Навстречу поднимался шум и свист.
В деревне, озираясь удивленно,
Посмеивались в горсти мужики.
«Охотимся?»

А он шагал, смущенный,
И мокрые блестели сапоги.

А вот и дом... И радостное «Тятя!»
Несется из распахнутых ворот.
По звонким лужам, обгоняя братьев,
Я первая взлетаю в небосвод.
А мать ворчит: «Не надоело шляться?»
Но он, смеясь, ей зажимает рот:
«Хорошая! Нельзя на нас ругаться!
Идем, посадим кустик в огород».

Мы были одинаковые ростом
С черемухой.

Той ласковой весной
Жилось мне так легко, светло и просто.

В какой из дней в наш тихий край лесной
Пришла война, — об этом я не знала.
Должно быть, в толстой сумке почтальон
Ее принес. И вот отца не стало.
С котомкой подбегал к подводе он,
Когда в постельке с тополиным пухом
Проснулась я, крича: «Меня забыл!»
Но лишь ушанка свесившимся ухом
Махнула мне с отцовой головы...
День ото дня все тише, тише, тише
Звенели в доме наши голоса,
Все чаще протекала наша крыша,
И от лучины плакали глаза.
На праздник больше не варили пива,
Для песни мать не разжимала губ...
Она утрами стала жать крапиву,
Чтобы для нас, детей, сготовить суп.
Не жгла крапива высохшие руки,
Бессонные не видели глаза,
Когда с крапивой вместе серп срезал
Черемуховый стебелек упругий.
Но в этот день горька была похлебка,
И запах был черемуховый в ней.

Хлебнув, мы ложки положили робко
И словно старше стали и умней.

...Потом, до слез ровесницу жалея,
Вплоть до морозов я сбивалась с ног,
Тайком от всех из родника Илеи
Носила воду — поливать пенек.
Живым родник Илею называли,
Но делать чудо медлила вода,
И хлеб, вкусней которого едва ли
На свете было что-нибудь, тогда
Я сберегала, чтобы им, как клеем,
С пеньком чужую ветвь соединить,
И ленточку, шиповника алее,
Я расплела — черемуху обвить.
Но были все труды мои несклади
(Не зеленеть же листьям в октябре!),
И как-то неожиданное «Хватит!»
Меня хлестнуло около дверей.
«Садись за зыбку! Рвать обутики хватит!»
Но, от обиды вдвое став смелей,
Я возразила матери: «А тятя
Ведь спросит о черемухе своей».
Не разобрав, мать плачет иль смеется,
В большом корыте тиская белье,
Я услышала: «Тятя не вернется
И никогда не спросит про нее».

...А новый день был так лучист и светел!
Плясал, и пел, и плакал сельсовет,
И громче всех выкрикивали дети:
«Сегодня — мир! Войны сегодня нет!»
Как голубело небо над домами!
Как небывало вкусно пах шесток!
Но я опять не угодила маме,
Воскликнув: «На черемухе — листок!»

Прислушиваясь к шумным вешним водам,
Стою в раздумье на родном крыльце.
...Черемуха за старым огородом —
Единственная память об отце.
Во всей красе над нею небо мая.
Счастливых слез свиданья не тая,
Меня седая мама обнимает,
Седую маму обнимаю я.
Вершинкою, поднявшейся над крышей,
Черемуха кивает ей и мне.
Такого цвета поискать — не сыщешь,
Листвы не встретишь гуще и темней.
Но если каждый красоту заметит,
То не любой поверит и поймет,
За что милей всех запахов на свете
Мне этот пряный, горьковатый мед,
И отчего, с черемухой встречаясь,
Я ухожу на столько лет назад,

И отчего невольно замечаю,
Что ствол ее и крив и узловат.

Те шрамы — знаки мужества и силы,
Святая память отгремевших дней.
...Спи, мой отец!
Цвести по всей России
Раскидистой черемухе твоей.

* * *

...Я больше не хочу тебя держать,
Лети, моя несказанная нежность,
С московского седьмого этажа
В простор тайги, задумчивый и снежный.

Лети к родному лабиринту троп
Между берез, между красавиц сосен —
К жужжанью пил и стуку топоров
И выбеленным лентам дальних просек.

Пусть говорят, что ты еще суров,
Что слишком бел и слишком неприкрашен
И слишком мало у тебя обнов,
Любимый край лесов, полей и пашен!

Тебя ничем не надо украшать,
Тебе — моя несказанная нежность
С московского седьмого этажа
В простор тайги, задумчивый и снежный.

В ДОРОГЕ

Ночь. Мороз. И звезды, звезды,
И легка у Кáрька рысь...
С клюшкой, маленького роста
Кто там? Бабушка? Садись!

«Сто спасибо». Зачем так много?
Мне довольно одного,
Укрывай тулупом ноги,
До поселка далеко.

С доморощенным гостинцем
Узелок не вороши,
В женихи красавца принца
Не сули, не ворожи.

Не люблю я, бабка, сала,
Не хочу в принцессы я.
Я тебе бы рассказала,
В чем нужда-печаль моя.

Ничего бы я не скрyla,
Кто он, что он, как зовут,
Самый лучший, самый милый
Обладатель хитрых пут.

Как для Карька эти вожжи,
Для меня — его глаза...
Только чем ты мне поможешь,
Что ты сможешь подсказать?

Ты не фея, не колдунья,
Даже нос не крючковат,
Даже имя — просто Дуня,
Даже шуба — без заплат.

Вот уже и задремала,
Далеконько, зная, брела...
Ладно, спи! А я, пожалуй,
Я свое отоспала.

По-иному скрипнет полоз,
Конь ли, елка ли вздохнет —
Уж дрожу: не тот ли голос?
Не встречать ли он идет?

На дорогу светит месяц,
Бесконечен темный лес.
Бабка спит. И нет на свете,
Как ни жалко, нет чудес.

* * *

Остались в городе товарищи,
Катки, театры, институт,
И мне не верилось вчера еще,
Что я смогу привыкнуть тут,
Где лес — под самыми окошками,
Где лужи слишком глубоки...
Пришлось расстаться с босоножками,
Переобуться в сапоги.

Я с удовольствием сбежала бы,
Пешком прошла бы целый свет,
Когда б не ваши, люди, жалобы,
Когда б не ваш в глазах привет.
Скажу вам слово ободрения,
Микстуру и таблетки дам,
И, разрешая все сомнения,
Пройдет румянец по щекам.
И столько тихой благодарности
В тех оживающих глазах,
Что соглашусь любой удар снести,
Но не смогу уйти назад.

ИЗ ДЕТСТВА

Плот не качался. Качалась осока,
И шевелили кувшинки головки.
Не было ветра, и с неба высокого
Звезды смеялись глазами-безбровками.

Плыли... Вода была как чернила,
Только костер с плота отсвечивал.
...Озеро тайны нам не открыло.
Больше скитаться нечего.

Мы не грустили. Мы просто молчали,
Воду большими шестами тревожили.
В полночь, к берегу тихо причалив,
Думали: «Ждет нас ремень ли? Вожжи ли?»

Мокли в росистой траве за домами,
Выкуп несли на бечевке одной:
Десять карасиков — моей маме,
Пять — матери Вовкиной.

Было утро. Вернее, полдень.
Были слезы, и было прощение.
Мне запретили дружить с Володиёй,
Но мы дружим. Без разрешения.

* * *

Ничего особенного. Просто
Лес зеленый, мутная река...
С берега задумчивый подросток
Смотрит вдаль. Багор в его руках
Задремал, уткнувшись носом в землю,
Сняв щетинку юную травы.
Шорохам вечерним чутко внемля,
Юноша молчит. Ведь он привык
Мерять взглядом ширь степных просторов,
А ночами слушать соловья.
Он купался в море, видел горы,
Знает то, чего не знаю я.

Но, как я, лишь с берега другого
Он глядит на то, о чем не знал,
Что в краю моем, на ласки строгом,
Так прекрасна юная весна.
Значит, люди обмануть хотели,
Говоря, что здесь один мороз?

А на темном фоне строгих елей
Светлое девичество берез,
Быстрой речки шепот осторожный,
Сумрак белой ночи, крик скворца.
Путь домой тропинкой малохоженой
До ступенек низкого крыльца —
Никогда не наглядеться вдосталь
В это небо, в эти берега!
Ничего особенного. Просто
Лес зеленый, мутная река.

И в минуту сказочную эту
Вижу я по блеску синих глаз:
Юноша, объехавший полсвета,
Навсегда останется у нас.

* * *

За что мне не любить тебя?
За то ли, что опять, как прежде,
Одно лишь ржанье жеребят
Шлет свой привет моей надежде,
Моим мечтам?

Или за то,
Что грязь сплошная на дорогах
И мокрый куст дрожит листом
У недометанного стога?
За то ли, что родная мать
На дочку за стихи сердита,
Что ранним инеем опять
Картошка на гряде убита?..
Да, ты коварен, ты суров,
Ты стужей дышишь людям в лица,
Даешь довольно только дров,
Но плату требуешь сторицей.
И все же я живу, любя
Мой край родной, мой Север милый.
Ты дал мне крылья, волю, силу.
Ну, как мне не любить тебя?!

* * *

Уехали... Укатили...
Одну минутку не стали ждать.
И ты осталась в облаке пыли
На дороге стоять.

Ты не бежишь и не плачешь,
Не машешь в отчаянии рукой,
Только из глаз никуда не спрячешь
Растерянность, смешанную с тоской.

Подруги... Подруги...
Или как теперь называть
Тех, которые на досуге
К тебе, конечно, придут опять.

Уехали, не подождали!
Значит, ты им была нужна,
Пока по лесу они блуждали,
Зная, что ты с лесами дружна.

В руку взяв босоножки,
Круто свернула с дороги в рожь.
«Позарастили стежки-дорожки...»
Не подождали, что ж?

«Позарастили мохом-травой...»
Песня качнула тишь.
Над белокурой твоей головою
Остановился стриж.

Лейся, голосок серебристый,
Крепни и не дрожи!
Дорого б заплатили артисты,
Чтобы послушать тебя во ржи.

ИСТИНА

Под угором строят баню.
Беззаботен, остроглаз,
Марш насвистывает Ваня,
Мох укладывая в паз.
Дядя пьет речную воду
Из блестящего ведра,
Хвалит славную погоду,
Что наладилась с утра.
И спать топор, как птица.
Брызжет свежая щепка,
И, как речка, речь струится,
Не щедра и не скупа:

— Чтобы ствол, какой потолще,
Не ложился, как не должен,
Чтобы тонкие стволы
Не казались бы малы,
Чтобы баня не косилась,
Не садилась, не валилась,

Чтобы весело топилась,
Грела-мыла сто годов,
Чтоб хозяйка не бранилась,
Делай так, чтоб приходилось
Сердце в сердце у стволов.
Будешь после строить жизнь —
Той же истины держись.

* * *

В цветной бумажке розовое мыло,
Ты пахнешь чем-то очень дорогим,
Ты пахнешь чем-то несказанно-милым...
Но чем же? Память, память, помоги!

Чуть уловимый запах земляники,
Едва заметный — ржи и васильков,
И аромат лесных тропинок диких,
И душистый мед некошенных лугов.

И вместе все... Когда такое было?
Но память вновь меня не подвела:
Ты пахнешь детством, розовое мыло!
Как позабыть об этом я могла?

Была война... Дымы больших пожаров
Не залетали в нашу глухомань.
Но как-то в сельсовет пришел подарок
С короткой, странной надписью:
«Для бань».

Я материнских глаз не позабыла,
Они светились, радовались так,
Как будто дали нам не кубик мыла,
А самородок золота с кулак.

...Намытое, давно скрипело тело,
Уж мать в предбанник выносила таз,
Но открывать я долго не хотела
Зажмуренных от мыльной пены глаз.

Тогда впервые за четыре года
Для нас опять запахло молоком,
И белым хлебом, и тягучим медом,
И васильками, и живым отцом...

* * *

Вечная слава! От этих слов
Пахнет дымом и пламенем.
Вечная слава! Пыльца цветов
Красит слова на камне.

Возле могилы, склонясь, стоят
Дети, солнцем облитые...
Вечная слава тебе, солдат,
Спящий под этими плитами!

В ЧУЖОМ ГОРОДЕ

Не холодный, но все-таки дождь,
А у меня нет плаща
И зонтика тоже нет,
И чья-то отзывчивая душа
Мне продолжительно смотрит вслед:
Не холодный, но все-таки дождь...

Не чужбина, но все же не дом:
Зелено, да не так,
Красиво, да не по мне —
Даже на деревьях как будто лак,
Наши березы куда скромней.
Не чужбина, но все же не дом...

На лице моем — тихая грусть,
А может быть, даже страх.
Люди навстречу идут, идут,
Капли покачиваются на цветах,
А я в редакцию, как на суд,
Иду, и в лице моем — грусть.

Длинный коридор и дверь.
Сюда стучать.
Сейчас ответят: «Да-да».
Как начать, с чего начать?
Зачем я сюда? Почему сюда?
Длинный коридор и дверь.

Мне улыбается человек,
Простой и светлый,
Руку подает: «Будем знакомы».
Бережно усаживает в кресло.
«Будьте, как дома», —
Мне улыбается человек.

Удивительные дела:
Как легко отвечать на его вопросы!
Робость растаяла враз.
«Вот ваш стол, а вот и розы
Вам от нас».
Удивительные дела.

Спасибо, дорогой человек.
Я улыбаюсь вашему городу,
Радостно замедляю шаг.
Дождь, а совсем не холодно.
Не дома, а хорошо как!
Спасибо, дорогой человек.

* * *

От шелестящих, от зеленых
Кубанских солнечных полей
Уходят стройные колонны
Пирамидальных тополей.

Плечо в плечо, шагнув от пашен,
Они сливаются вдаль,
Красавцы рыцари и стражи
Черешен, яблонь, груш и слив.

Под их надежную охраной
Цветет и зреет сад-гигант.
Его не трогают бураны,
Не треплет знойный ураган.

И пусть они не плодоносят,
Их кормит, их поит земля.
А кто сады растит, не спросит
Зачем сажают тополя.

ПЕРВОЕ УТРО В КРАСНОДАРЕ

Солнышко!
Почему ты закуталось
В ватное одеяло
До самого подбородка?
Или ночью тебе плохо спалось?
Ты такое усталое
И кроткое...
Солнышко,
А может, тебе тоскливо?
Одно-одинешенько —
В Москве ли, в Сахаре,
Совсем, как я
В этом красивом,
Благоухающем
Краснодаре.
Слушай!
Так мы же встретиться можем!
Айда из одеял
К реке Кубани!

Усталым душам
И тоскливым тоже
Очень здорово
Помогает купанье!

...Ух, свежо как!
По телу дрожь.
Вхожу в Кубань,
От тебя отворачиваясь,
А ты смеешься,
А ты уже ждешь,
В середине реки
На волне покачиваясь.
Плыву к тебе.
Но куда же ты?
Надо ж поздороваться,
Протяни мне лучик!
...Меня обрызгав
Дождем золотым,
Унырнуло, мое плавучее!
Следом за тобою
Ныряю... ах!
— Где ты? Доиграешься! —
Я сердита.
Будешь, золотое, у меня в зубах,
Как этот камешек,
Со дна добытый.
К берегу скользнуло.

Ага! Дрожишь?
На часы уселось...
Ребята-братцы!
Время-то десятый,
Десятый час!
А еще до города
Час добираться!
Едем!
Ты не завтракало?
И я нет.
Но это, если хочешь, совсем неплохо:
Там, возле редакции,
В одном ларьке
Такие славные
Пирожки с горохом!

* * *

Я в лес ушла от матери украдкой,
Тайком от всех ее «куда?», «зачем?»
Не как обычно — с ручкой и тетрадкой,
А с фотоаппаратом на плече.
Мечталось мне: под утреннюю свежесть
Украсть озер таинственную гладь,
Родных берез лепечущую нежность,
Чтоб никогда о них не тосковать.
Чтоб уезжать от них без сожаленья,
Чтоб стать, как ветер, вольной и простой
И золотые искры вдохновенья
Чтоб вызывать другую красотой.

За шагом шаг — по чащам, без дороги.
За кадром кадр... Озябшие, в росе,
Мох отогрел мои босые ноги.
За кадром кадр... и пленки вышли все,
И аппарат в досаде молчаливой

Сверкнул глазком бессильно и повис,
А золотые сосны горделиво
Передо мною в небо вознеслись.

Нет, торжества такого не украсть мне,
В коробке темной, нет, не утаить!
И елочка с насмешливым участием
Поворошила волосы мои.

УТРО

Над лесом зорька занялась
Алее лент в косе твоей.
Дочурка, что ж ты заспалась?
Петух поет, вставай скорей!

Пора! Дорога далека.
Вставай, побалую чайком,
Покуда масло с пирога
Не убежало ручейком.

ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА

Уснули разноречивые.
Смолк на один часок
Гомон: «Чьи вы? Чьи вы?
Откуль? Откуль?»
И только «буль-буль...
Буль-буль»...
Каплет березовый сок
В туесок.

Звезды услышали.
Стопнулись, за небо держась,
Решают: нельзя пониже ли?
Хочется взглянуть, да страшно упасть.
Толкнули одну — не суйся!
А она сорвалась и — шась! —
В самую середину туеса.

«Тиль-тель-буль!...»
Заяц спросонок — скок!

И сердце в пятки,
И невдомек —
Во сне ль, наяву ль
Такие загадки?
«Сбоку узоры, внутри огонек...
Экой какой пенек —
...Сладкий!»

Я завтра в эти края сорвусь,
Сорвусь, как звезда падучая,
Я в сладкий березовый сок окунусь,
Как в средство самое лучшее
От всех пороков,
От всех уроков.
Я к милым березам щекой прижмусь,
Туесовый целую краешек,
Я буду пить еще и еще,
И будет очень все хорошо,
Так хорошо, как раньше...

* * *

Я в стихах, конечно, первоклассник,
Трудно мне писать самостоятельно.
Вдохновение вспыхнет и угаснет,
Прошипев на сырость прилагательных.

Не горят глаголы тонконогие
В неопределенности наречья,
И боюсь, споткнусь на первом слогe я
По дороге в души человечьи.

...В небе звезд — до головокруженья:
Тут тебе и боги и медведицы.
Смущено мое воображенье —
Почему не греют, если светятся?

Хорошо мерцать, но греть — прекрасней...
Мне не надо высоты спасающей.
Мне звезды не надо, мне — куда с ней?
Стать бы солнцем...

Греющим!

Сверкающим!

* * *

Хорошо, положив подбородок в ладони,
К солнцу майскому пятки босые поднять,
И смотреть, как пасутся у озера кони,
И себе выбирать молодого коня.

Хорошо, ничего не желая на свете,
Без пути и без цели скакать по лугам,
И спугнуть задремавший в черемухе ветер,
И задорную песню послать к облакам.

Лейся, песня! Лети, молодой жеребенок!
Счастья искорки, сыпьтесь цветами на луг!
Эту юную, только из зимних пеленок,
Я люблю эту землю и все, что вокруг!

* * *

Я люблю дыханье паровоза,
Только сердцу проще и теплей
Там, где с пряным запахом навоза
Спорит ярый запах тополей.

Я люблю заманчивые дали.
Что за прелесть — чувство новизны!
Только мне нужнее всех Италий
Белый ряд наличников резных,

Огорожи старой паутинка,
Лук на грядке, рожь на полосе,
В перелеске — утлая новинка
С васильками в худеньком овсе.

И в любой прекрасной загранице
Я начну искать свои стога,
И чтоб над стогами, как жар-птица,
Замирала радуга-дуга.

* * *

Нет, не бывала я в раю,
Но жизнь земная — чудо, прелесть!
Сегодня под гармонь мою
Кружились пары, песни пелись.

Сегодня под мою игру
Глаза и губы улыбались...
О, если б, если б и перу
Награды эти же достались!

* * *

С темных елей свисают шишки,
Достают до моей головы.
Дорогие мои мальчишки,
Где-то вы теперь? Где-то вы?

Вон какая гора крутая,
Вон какой под горой трамплин.
Но без радости я взлетаю
В серебристой снежной пыли.

Ни к чему эта тишь лесная,
И красавица ель в снегу,
И небес тишина сквозная,
И вдали паровоза гул,

Если все вы остались где-то,
От меня далеко-далеко...
До чего ж велика планета,
До чего ж затеряться легко!

* * *

Насмотрись, зорька, в реченьку,
Пока речка не вымерзла,
Пока ива над реченькой
Зеленым-зелена.
Ты, хорошая девушка,
Насмотрись на любимого,
Скоро милому в армию,
Скоро будешь одна.

Разлилась зорька по небу,
По лесам расплескалась,
Окунулась, румяная,
В Серебрянку-реку.
Не могла красна девушка
Насмотреться на милого —
Раным-рано на поезде
Уезжать пареньку.

Зорька в речке купается,
Речка к берегу ластится,

Ива трогает за косы:
Не грусти, не грусти.
Если чувства надежные,
Будет служба примерная,
Будет служба примерная —
Прилетит погостить.

ПЕСНЯ О ЛОМОНОСОВЕ

Седые века,
Седые века
Восходят и тают,
И в море, как прежде, стремится река,
И, в синюю даль проводив рыбака,
У Холмогор чайки летают,
Все чайки летают.

Тише... тише...
Плывет по Двине пароход.
Слышишь, слышишь,
Студенчество песни поет.
Не про косы,
Не про росы. —
В песне, свободной, как чайки полет,
Имя твое, Ломоносов.

Родные края,
Родные края

Косматых Бореев.
Здесь тело твое обжигала струя,
Здесь кована гордая воля твоя,
Здесь слава твоя не стареет,
Совсем не стареет.

Строитель ракет.
Строитель ракет.
Титов и Гагарин,
Художник и химик,
Лингвист и поэт
Тебя называют с младенческих лет,
И каждый тебе благодарен,
Тебе благодарен.

Седые века,
Седые века
Растаяли в сини.
По-прежнему в море стремится река,
И помнит народ своего земляка,
Великого сына России,
Великой России.

* * *

— Голуби...
— Дитяtko, нет, не голуби,
Это морозко стучит по крыше. —
...Тоненький, черный, зловещий столбик —
Градус за градусом выше и выше.
И стрептоцид, и малину с чаем,
И аспирин взяла у соседей.
Выпил мальчонка, а все не легчает,
Губы сухие горят и бредят.
Фельдшера надо. Пойдет ли ночью?
Выйдешь, а вьюга — щенком под ноги,
Семь километров... «Сынок, сыночек,
Не умирай, пока я в дороге!»

...Эта отказывать не поважена,
Встала на лыжи: «Так путь короче».
И пошла, оставляя в овражинах
Снов недосмотренных синие клочья.
Фельдшер — вчерашняя ученица,

Фельдшер — неопытная девчонка,
Мчись, не заденет тебя волчица,
Мчись, ты в ответе за жизнь ребенка.
Мчись, чтоб при свете коптилки куцей
Делать спасительные уколы.
Мчись! К малышу обязан вернуться
Белый, белый, желанный голубь.
Улетающий голубь...

* * *

Вижу — опустила
Руки с топором,
Вижу — загрустила
Не перед добром.
День предлинный-длинный,
Знать, устала ты.
Галенька, Галина,
Где твои мечты?
Светел день субботний,
Снега бел покров.
Женится сегодня
Геня Комаров.

...Не смотри так строго,
Не томись молчком.
Много, много, много
На сосне сучков.
Надо торопиться
Все пообрубить...

Галя, рукавицам
Не давай остыть!
В горле ком застрянет —
Проглоти скорей.
Сашке нужен пряник,
Слышишь, будь добрей!
Новую рубашку
Ты ему сошьешь,
Засмеется Сашка,
Как он в ней хорош!

...Женится сегодня,
Саша, папа твой,
Только не на маме,
Только на другой.

* * *

Его ребенком-сосунком
Мы принесли от мамы Мурки
И от буренки молоком
Кормили с блюдечка в печурке.
Но был беспомощен и мал
Дрожащий жалобно комочек,
Он долго с блюда не лакал.
И мы решили: сыт, не хочет.
Когда ж на шубу в уголок
Мы положили спать малютку,
То в шубе все искал сосок
И сладко чмокал наш Васютка.
А после к блюдцу он привык,
И вырос в славного котика,
Гроза мышей, силен и дик,
Не знал нужды в обильной пище.
И, повзрослев, не заиграл,
Но, возвратясь с ночной охоты,
Он шубу старую искал

И там тихонько чмокал что-то
Седой, он умер в уголке,
Не изменив своей причуде,
С мечтой о сладком молоке
Его не докормившей груди.

* * *

Остановись, моя река!
Куда спешишь? Побудь со мною.
Ведь наша встреча коротка,
Давай поговорим, пока
Рюкзак не виснет за спиною.
Давным-давно ждала я дня,
Чтоб вновь услышать говор милый.
Ты — помнишь? — нянчила меня
И, низко ивы наклоня,
Игрушки-камешки дарила.
Не на твоих ли берегах
Мечты и сказки оживали,
Дворцы и замки из песка
Не на твоих ли берегах
Вот эти руки воздвигали?

Когда война по землям шла,
Когда отца взяла могила,
Не ты ли горю помогла,

Не ты ль всех ласковей была,
Недетскую слезу омыла?
Ты строже, глубже ты была,
А голос мой звенел ликуя.
Но что сегодня я нашла?
Ты, как ребенок, весела,
А я мечусь, а я тоскую.
Не мой ли смех сейчас звенит
В твоих неугомонных струях,
Не мой ли след песок хранит
И над тобой Кукуй * не спит,
Не для меня ль звезду ворует?
Отдай, коварная, отдай!
Зачем ты так со мной шутила?
Не может быть, чтоб навсегда
Твоя беспечная вода
Мои дворцы и замки смыла.

* Название лесного массива в Придвинье.

* * *

Как чудно четок каждый лист!
Как самобытен каждый голос!
Где ты, о, где ты, пейзажист,
Чья кисть тонка, как тонок волос.
Чей глаз, как зеркало реки,
С такой любовью повторившей
И звезд живые поплавки
И изб насупленные крыши.
Чья вдохновенная рука
Красноречива, и счастлива,
И осторожна, и гибка,
Как в речку глянувшая ива...

Когда из подвальной сырости
Ее посадили в грядку,
Она торопилась вырасти,
Чтоб видеть солнце и радугу.
Крепкий росток, как бивень,
Пласт земли пробуравил.
И первый июньский ливень
Ей первый листочек расправил...

Но уже через три восхода
С ней начал лопух раскланиваться.
И вдруг хозяйка с засёкой:
«Окрепла, моя голубушка?»
Лопух увидала: «Экой!»
И вырвала с корешком лопушка.
И через два мгновенья
Вместо зеленых листочков

Зашипела злорадно крапива.
Сжатая, брошенная на межи:
«Погибнешь, барыня прихотливая,
Раньше нас или с нами же!»
Но картошка помнила солнце,
Сквозь землю чувствовала луч его!
Наутро проткнула листком оконце
И подумала: «Ничего!»

Когда мне трудно немножко
И кажется жизнь дремучею,
Я не плачу, а ем картошку:
Ее ведь тоже окучивали.

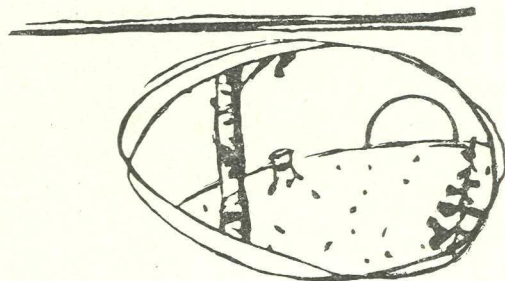
* * *

Кузнец угрюмый прогонял ребят,
Но мы — в сарай, и подглядели в щелку,
Как он клеймил веселых жеребят:
Калил клеймо на углях втихомолку,
Но ржанье, пыль дорожную клубя,
Дрожало долго.

Мне жизнь писала не карандашом,
Не прутиком на золотом песочке.
Ребячье сердце ходит нагишом,
Где взять ему какие оболочки?
И горе выжгло прямо на живом
Слова и строчки.

Резинка-время не стирает их,
От ясных дней они не выцветают,
Как знаки те на крупах золотых
Уж шерстью золотой не зарастают,
И хоть сбегай за триста три версты,
Чей конь — узнают.

ВОТ И ВСЕ...

* * *

Лес да лес... А за лесом что?
Море ли? Горы ли?
Грусть да грусть... А за грустью что?
Радость ли? Горе ли?
Верно, радость; ведь ты придешь,
Пусть мы с тобой и спорили.
Дум беспокойных уймешь галдеж —
Скоро ли? Скоро ли?
Милый, кого я в тебе найду —
Друга ли? Вора ли?
Встречи с тобою, как счастья, жду.
Скоро ли? Скоро ли?

* * *

Не снились мне монастыри,
Безгрешных каменные латы,
А ты сказал и повторил,
В глаза мне глядя: «Как чиста ты!»
Я, признаюсь, не поняла,
Что мысль твоя в себе таила:
Была ли это похвала,
Иль сожаленье это было.
Нечастый гость, желанный гость,
Мой умный гость, ты знал прекрасно,
Что грязи грязь — большая рознь
И чистота бывает разной.
Ты знал про воду, что в кустах
Стоит себе на мягком иле,
Стоит в зеленых берегах,
Стоит, как дождики налили, —
Чиста, мягка, не холодна.
Манит: нырни хоть раз единый!
А тронь — и вскинется со дна

Сплошная тина, тина, тина.
Сегодня, вброд переходя
Низовье Сбодонги журчащей,
Я преклонилась не шутя
Пред чистотою настоящей.
Ее неласковое дно
Везде утыкано камнем,
Но все равно, но все равно
Встречаться с нею — наслажденье.
Хоть пей, хоть лей, хоть ноги мой —
Не замутится, не убудет...
Ты понял ли меня, родной,
Как понимают речку люди?

* * *

Милые, нарядные домишки!
Вы не хмурьте вырезных бровей
На шального лыжника-мальчишку,
Что спугнул с рябины снегирей.
Что, оставив лыжи под забором,
По сугробам прыгал, словно бес,
А потом хозяином — не вором —
На чужое дерево полез.
Иней, иней виснет на рябине,
Сыплется парнишке в рукава...
Не ищите слово пообидней,
Позабудьте всякие слова.
Видите глаза его любимой,
Синие лучи из-под руки?
Пусть с озябших ягодок рябины
Сыплются снежинки-огоньки.
Милые, нарядные домишки,
Вы не хмурьте вырезных бровей
На шальных девчонку и парнишку,
Что спугнули ваших снегирей!

ПОДРУГЕ

Милая, спасибо за внимание,
Только и тебе узнать неплохо бы,
Как июльский заморозок ранний
Убивает нежный цвет гороховый,
Как мой тятя полосу распахивал,
Песню пел тягучую и грустную,
Длинной вицей над конем помахивал,
Пообедав кислую капустою.

...Шли ростки, зеленые да крепкие,
И ходила возле мама, радуясь:
«Срок придет — побалуемся с детками...»
И полоску обнесла оградой.
Подоспел июль. По темной зелени
Закачались белые кораблики.
...Не во время, ой, как не ко времени
Вместо рос упали льда кристаллики!
Промолчала б я об этой повести,
Если б слезы у меня не капали
От твоей такой жестокой новости,
Как тогда, в далеком детстве, на поле...

ЧАСЫ

Ты не писал, иль письма запоздали?
Не захотел приехать иль не смог?
Твои часы отчаялись и стали,
А ты их так любил и так берег!

Друзей безукоризненных и давних
Вручая мне, ты встречу обещал...
Устали ждать рубиновые камни
И благородной твердости металл.

Живые стрелки замерли над кругом.
О, где найду для ожидания сил?
Ведь ни трудов своих и ни досугов
Ты никогда со мною не делил.

И стоит ли долбить молчанья стену,
Чтоб через брешь, пробитую в стене,
Узнать лишь то, что ты нашел замену
Своим часам, а стало быть, и мне.

Но сердце глупо верит обещаньям,
И я дерзну часы твои открыть,
И я осмелюсь сдержанным дыханьем
Тихонько тронуть трепетную нить.

Лишь вздох... но хватит, хватит этой
силы,

Чтобы часы по-прежнему пошли:
Ведь я их очень бережно носила,
Они всерьез сломаться не могли.

* * *

Мне холодно — знаешь?
Мне холодно — слышишь?

Дорога лесная
В стенах, да без крыши.
А стены дырявы,
А с небушка каплет,
У мутной канавы
Я бросила грабли.
Холодные капли
Текут под рубашку,
Озябшие пальцы
Пытают ромашку.
Ромашка сказала:
«Не любит».

Я знаю...

Ни фей, ни русалок,
Дорога лесная!

Мне все по плечу,
Я не думаю плакать,
Но я закричу
В эту серую слякоть,
Чтоб крик поднимался
Все дальше, все выше:
Люблю тебя! Знаешь?
Люблю тебя! Слышишь?

* * *

Мне не верят, что вместе с тобою
Прилетели ко мне чудеса,
Закачались цветы на обоях,
На цветах заискрилась роса.

Мне не верят, но это не сказка:
Стулья в двадцать четыре ноги
Начинают веселую пляску,
В коридоре услышав шаги.

Доказать мою правду смогу ли?
Умирают на стенах цветы,
И становятся стульями стулья,
Если в комнату входишь не ты.

* * *

Там, где касается небо земли,
Как в крови, облака.
Люди могут, а мы не смогли
Даже сказать: «Пока».

Может, ты со мною шутил?
Но ведь я не шучу.
Хочешь — плюну на трудность пути
И к тебе прилечу?

Ветер тихонько плачет в трубе,
Снег рассыпчатый бел...
Я сегодня хочу к тебе,
Очень хочу к тебе.

Ветер бьется, тревожит грудь,
Шелк знамен теребя...
Разве может какой-нибудь
Праздник быть без тебя?

* * *

Снег не снег, тополинный пух
Под ногами у нас лежит.
Только вымолви слово вслух —
И взовьется с каменных плит,

Только глубже вздохни — и вмиг
Обнажится серый асфальт...
Я не крикну, хоть рвется крик,
Я смолчу. Мне не снега жаль.

Жаль обманный прервать покой,
Наш с тобою последний путь.
Долгожданный мой, дорогой,
Жаль тебя и себя чуть-чуть.

* * *

Ночь как ночь. Не черней, чем вчера,
Облака поменялись местами лишь.
Не ходи и не жди до утра,
Не хотела расстаться, да сам велишь.

Многим нравишься ты без труда,
Много легких побед обеспечено,
Да на что мне твоя красота,
Если сердце твое искалечено?

Ночь как ночь. Только вот облака
Надо мной нависают, как демоны,
Да волнуется что-то река,
Да качаются сосны разгневанно...

* * *

Там розы, и Черное море,
И ветер теплей моих рук...
Лети, мой соловушка. Зори
Найдут тебе новых подруг.

Лети же, от наших морозов
Твой голос ослабнет, лети!
Там Черное море, там розы...
Лети, да не сбейся с пути.

* * *

Эх, и хлещет! Ни тебе просвета,
Ни тебе надежды на просвет.
Кажется, размокла вся планета
И к тебе пути-дороги нет.

Человече, милый человече,
Неужели так тому и быть:
Если небо против нашей встречи,
Значит, встречу надо отменить?

Если люди трезво рассудили,
Что тебе и мне не по пути,
Значит, мы с тобою отлюбили,
Значит, нам друг друга не найти.

Человече, милый человече,
Неужели, если ты женат,
Мне уже нельзя мечтать о встрече —
Год, и два, и десять лет подряд?

Ну, а если все-таки мечтаю,
Ну, а если я не побоюсь:
Под дождем пройду — и не растаю,
Взгляды встречу — и не отвернусь...

Неужели только пятна грязи
На плаще моем увидишь ты,
И, как раньше, мне навстречу разве
Не качнутся глаз твоих цветы?

* * *

Лейся, ливень, сколько хочешь,
Хоть подряд десяток лет,
Нашу дружбу не размочишь,
Нашей дружбы больше нет.

Молния, черкай бывшее,
Заглушай бывшее, гром!
Письма, ставшие золою,
Треплет ветер над бугром.

Плачьте, белые березы,
Лист осиновый, дрожи!
У меня ж не льются слезы —
Милый их не заслужил.

* * *

Пой, вселенная! Я воскресаю!
Воскресаю, вселенная, пой!
Хлеб от целой буханки кусаю,
Ключевой запиваю водой.
От друзей, от подруг и знакомых
В глушь лесную на лыжах лечу.
Только тут я действительно дома,
Только тут я душой не молчу.
Пень почтительно скинет папаху,
Поприветствует молча сосна,
Только тут без тревоги и страха
Твоего начитаюсь письма.
Любишь... любишь!
В восторге беспечном
Как я счастье боюсь рассорить!
Любишь, любишь! Надолго, навечно.
Как назвать тебя? Чем отдарить?

* * *

С горы через лес, на равнину,
Губами снежинки ловлю...
Ты знал, что люблю я трамплины,
Отвесные кручи люблю.
Ты знал, что и редко и мало
Хожу я по ровной лыжне.
Я так о горах тосковала,
А ты не сочувствовал мне.
Белесой равнины унылость
Меня не манила, увы!
И мысль у тебя появилась,
Что мне не сносить головы.
Пускай не сносить! Я летала
С надеждой, что все же рискнешь.
А ты сожалел: «Не упала»,
И думал: «Авось упадешь».
И гордость спасая мужскую,
С тобою не ссориться чтоб,
Единственной жизнью рискуя,

Лечу головою в сугроб.
И сыплются искры от боли,
И что-то течет по щекам.
Доволен ли? Да, ты доволен,
Ты мне улыбаешься... там.
Кричишь: «Поднимайся, застыну!»
Скорее, а то разлюблю!»
...Одна уношу на равнину
Погасшую радость мою.

* * *

Сны-вещуны, сны-вещуны,
Как вы нужны мне, как вы нужны!
В мыслях, вчера еще ясных насквозь,
Все перепуталось, переплелось.
Ходит за мною хороший жених —
То, словно облако, нежен и тих,
То беззаботен и радостен он,
То, как герой, величав и умен,
То простодушней травы луговой,
То ярче молнии взгляд у него.
Мысли мои он читает без слов,
Ради меня он на подвиг готов.
Сны-вещуны, сны-вещуны,
Как соглашусь я на имя жены,
Если и с ним не прошла моя грусть,
Если и с ним я твержу наизусть
Имя, которое проклято мной,
Но без которого мне темно.

* * *

Сегодня поутру, едва проснувшись,
Я распахнула форточку и встала
Коленями на узкий подоконник
И долго в небо серое смотрела,
Дыша холодным воздухом рассвета
И необычный сон припоминая.
Но все его подробности и краски
От памяти упорно ускользали,
Как первые и редкие снежинки,
Дразня своей завидной новизною,
Увиливали от моих ладоней...
Но странно, почему они летели
Не сверху вниз, как видеть мы привыкли,
А снизу вверх, от моего шестого
К седьмому этажу, и выше, выше?
Земля ли им, холодным, показалась
Еще не окончательно продрогшей,
Чтобы начать ее от стужи кутать?
Ледок ли недостаточно окрепшим,

Чтоб удержать и сохранить всю свежесть,
И белизну, и звездчатость, и хрупкость
Снежинок первых? Или...

Но внезапно

Одна из них руки моей коснулась
И в сторону метнулась, но погасла,
Оставив, как упрек, в моей ладони
Расплывчатую маленькую каплю...
Ага! Так вот что снилось мне сегодня!
Я вспомнила! Все вспомнила прекрасно!

В твоих глазах, подобно этой капле,
Стояли и не выливались слезы,
И ты, ко мне протягивая руки,
Родные руки в ссадинах и шрамах,
Ты мне сказал единственное слово:
«Вернись!»
И, позабыв про все на свете,
Я весело соскакиваю на пол,
И прыгаю, как мяч, и кувыркаюсь,
И грохотом бужу свою подругу.
Да, я вернусь, вернусь к тебе, любимый,
Ведь сколько бы снежинки ни кружились
И сколько бы ни поднимались в небо,
Гордась перед землею неприглядной,
Им все равно на землю возвращаться.
Да, я вернусь!
Ты жди меня, любимый!

* * *

И ты ничей,
И я ничья.
Ты сам ручей,
Я песнь ручья.
Я не солгу,
Я разрешу:
И грома гул,
И леса шум,
И тишь ночей,
И блеск лучей
До мелочей
Бери, ручей!
А я возьму
Лишь гальку ту,
Что звон хранит
И чистоту,
Лишь камни те
И ямы те,
Что не дают
Молчать воде...

Ручью не надо
Песнь беречь,
Он должен мчаться,
Должен течь
Ведь чем бойчей
Твой бег, ручей,
Тем песнь звончей!

СОДЕРЖАНИЕ

Напутствие. Статья Б. Шергина	3
СЕВЕРНАЯ ДВИНА	
Северная Двина	9
Речка Содонга	11
«В последний августовский день...»	13
«Под ветром — полей колыханье...»	15
Матери	16
Уезжая учиться	18
Первая ночевка в Москве	20
Мать	22
«Когда из квартиры московской...»	23
«Да, мечты, словно крылья стрекоз...»	25
«Снова утро...»	26
«Четыре дня до сентября...»	28
«Со мною лишь природы откровенье...»	29
«Последние сентябрьские деньки...»	30
«Свежими осенними утрами...»	31
«Листья не хотели умирать...»	32

«Погоди, весна...»	34
Первая пчела	35
«О, как я жизнь люблю!...»	36
«Он не уехал из колхоза...»	37
«Мой отец... Он давно не с нами...»	40
«Непривычно вроде, непонятно...»	42
Черемуха	44
«...Я больше не хочу тебя держать...»	50
В дороге	51
«Остались в городе товарищи...»	53
Из детства	54
«Ничего особенного...»	55
«За что мне не любить тебя?...»	57
«Уехали... Укатали...»	58
Истина	60
«В цветной бумажке розовое мыло...»	62
«Вечная слава! От этих слов...»	64
В чужом городе	65
«От шелестящих, от зеленых...»	67
Первое утро в Краснодаре	68
«Я в лес ушла от матери украдкой...»	71
Утро	73
Весенняя сказка	74
«Я в стихах, конечно, первоклассник...»	76
«Хорошо, положив подбородок в ладони...» . .	77
«Я люблю дыханье паровоза...»	78
«Нет, не бывала я в раю...»	79
«С темных елей свисают шишки...»	80

«Насмотрись, зорька, в реченьку...»	81
Песня о Ломоносове	83
«— Голуби... — Дитятко, нет, не голуби...» . . .	85
«Вижу — опустила...»	87
«Его ребенком-сосунком...»	89
«Остановись, моя река!..»	91
«Как чудно четок каждый лист!..»	93
Про картошку	94
«Кузнец угрюмый прогонял ребят...»	96

ВОТ И ВСЕ...

«Лес да лес... А за лесом что?..»	99
«Не снились мне монастыри.»	100
«Милые, нарядные домишки!..»	102
Подруге	103
Часы	104
«Мне холодно — знаешь?..»	106
«Мне не верят, что вместе с тобою...»	108
«Там, где касается небо земли...»	109
«Снег не снег, тополиный пух...»	110
«Ночь как ночь. Не черней, чем вчера...»	111
«Там розы, и Черное море...»	112
«Эх, и хлещет! Ни тебе просвета...»	113
«Лейся, ливень, сколько хочешь...»	115
«Пой, вселенная! Я воскресаю!..»	116
«С горы через лес, на равнину...»	117
«Сны-вещуны, сны-вещуны...»	119
«Сегодня поутру, едва проснувшись.»	120
«И ты ничей, и я ничья...»	122

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Присылайте ваши отзывы о содержании, художественном оформлении и полиграфическом исполнении книги, а также пожелания автору и издательству.

Пишите по адресу: Москва, А-30, Суцневская, 21, издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», массовый отдел.

Фокина Ольга Александровна

СЫР-БОР. Стихи. М. «Мол. гв.»,
1963 г 123 с.

Редактор Д. Ковалев
Художник Л. Вендров
Худож. редактор Н. Печникова
Техн. редактор И. Егорова

А03994 Подп. к печ. 19/IX 1962 г.
Бум. 60×90¹/₃₂. Печ. л. 4(4) + 1 вкл.
Уч.-изд. л. 3,1. Заказ 1470.
Тираж 7 000 экз. Цена 31 ~~коп.~~

Типография «Красное знамя»
изд-ва «Молодая гвардия».
Москва, А-30, Сущевская, 21.